

Михаил ХИЛЬКО

Вехи моей жизни

(Окончание. Начало в № 46 от 23.11.2017 г.)

Директорство

5 марта 1971 года приказом по Министерству я был назначен директором комбината. В то время я был самым молодым директором.

В 1970 году была прекращена добыча руды на Блявинском месторождении. Перед руководством предприятия встала проблема поиска сырья. Руду и концентрат приходилось завозить из Гая, Сибая, Учалов. Несмотря на отсутствие сырьевой базы, коллектив неоднократно побеждал во всесоюзных социалистических соревнованиях, получая знамёна. Комбинат ежегодно выпускал много серы (до 280 тысяч тонн), в основном, вся сера направлялась на Украину, в город Сумы, где из неё получали удобрения для сельского хозяйства. Но в сере присутствовало до 0,5 процента мышьяка, который с отходами производства попадал в реку Сумы, отравляя рыбу. Щербицкий, секретарь ЦК КПСС Украины, узнав об этом, доложил Косыгину. Косыгин подключил Ломаха и наш Главк. Перед комбинатом встала проблема очистки серы от мышьяка, требовалось в кратчайший срок решить её. Бурба ещё в конце шестидесятих годов пытался справиться с этой задачей, проводя многочисленные опыты по отделению серы от мышьяка, но положительных результатов не добился. И поэтому с первых дней работы мне пришлось это решать, может быть, в ущерб другим вопросам производства.

Наконец, в 1974 году, совместно с сотрудниками института «Гинцветмет» (Государственный институт цветных металлов), руководителем которого был, кстати, тоже бывший директор медно-серного комбината (до Бурбы) Константин Иванович Ушаков, был найден эффективный способ очистки серы от мышьяка, получивший название «известково-фазовый».

Впоследствии метод был признан уникальным и за внедрение удостоен золотой медали ВДНХ. Каждый принимавший участие в разработке и внедрении способа также был удостоен золотой медали, в том числе и я. А ещё позже эту технологию закупили итальянцы.

В то время П.П.Матюшин, Герой Соцтруда, начальник Союзмеди, будучи на комбинате, сказал мне: «Постройте промышленный цех за год, будешь очищать всю выпускаемую серу, получишь орден Трудового Красного Знамени».

Я дневал и ночевал на стройке, но не ради ордена. Привык слово держать. Вместе с начальником СУ-4 В.Н.Мосяковым мы сумели уложиться в срок. Но обещанной награды я не получил. Документы где-то потерялись в партийных органах, видимо, там посчитали, что полученного ордена за работу на брикетной фабрике достаточно. Хотя партийные и советские руководители города получали ордена каждую пятилетку.

В марте 1974 года я в составе группы комбинатских специалистов побывал на ме-

таллургическом предприятии в Польше. Опыт, полученный там, позволил некоторое время спустя внедрить валковые прессы. Нововведение сделало возможным брикетирование клинкера. Сырьё, являющееся отходами цинкового производства, было сравнительно дешёвым, а содержало значительное количество драгоценных металлов. Это делало переработку клинкера рентабельным и экономически выгодным. Это тоже стало возможным благодаря действенной помощи института «Гинцветмет».

Не менее важным этапом в развитии металлургического производства комбината стало строительство и пуск в 1986 году (опять же с помощью «Гинцветмета») цеха получения технологического кислорода. Без него освоение автогенной плавки на шахтных печах было бы невозможно и сегодня.

В то время весь город (кроме посёлка Никитино) был на балансе комбината. Поэтому все вопросы, касающиеся городского хозяйства, приходилось решать директору МСК.

Комбинат ежегодно вводил в эксплуатацию один 70-квартирный дом, а иногда и два дома. Это позволяло довольно успешно решать жилищную проблему. Город и комбинат обеспечивались водой из открытого водоёма реки Сакмара, расположенного в посёлке Рамазан. Весной и во время ливней вода поступала грязной, но соответствовала никаким санитарным нормам. Было принято решение построить подрусловый водозабор. Это было сделано в пойме Сакмары. Забор включал в себя 14 скважин глубиной 25 метров каждая, подводный водовод (дюкер) и два резервуара ёмкостью по 1000 кубов. С тех пор вода поступает в город подрусловая, артезианская.

По долгу службы мне приходилось бывать во многих городах, имеющих родственные предприятия. Вкуснее нашей воды я не встречал. Правда, я не был на Байкале.

Отсутствовали очистные сооружения, что было недопустимо с точки зрения экологии и санитарии. И они были построены в кратчайший срок и до сих пор успешно работают.

В 1972 году, по просьбе членов общества рыбаков и охотников, я (по незнанию), без согласования с соответствующими органами, построил на реке Урал «Дом рыбака и охотника». За это неоднократно объяснялся в прокуратуре города Кувандыка, так как земля принадлежала Кувандыкскому мехлеспхозу.

Жалобы шли во все инстанции (Министерство цветной металлургии СССР, газету «Труд», горком и обком партии, со стороны отдельных работников и жителей города) о том, что Хилько построил себе «заимку». Жалобы, как потом выяснилось, были организованы бывшим главным инженером, недовольным, что не его назначили директором комбината. Впоследствии пришлось с ним расстаться. А всем комиссиям, приезжающим про-

верить жалобы, я отвечал, что условия работы на комбинате тяжёлые, поэтому я решил построить летнюю зону отдыха на 100 человек. С пищеблоком, лодочной станцией и сауной. Просил для этого пару лет.

За это время я оформил по всем требованиям землеотвод для зоны. Для этого потребовалось даже специальное Постановление Правительства Российской Федерации об отводе земли в полтора гектара комбинату на вечное пользование. Зона была построена и пользовалась спросом у трудящихся не только комбината, но и города. К сожалению, сейчас она перешла в частные руки и трудящиеся там не отдыхают.

Как-то на комбинат решила нагрянуть министерская комиссия. Прилетели поздним вечером в Орск. В аэропорту взяли такси и – в Медногорск. По причине отсутствия указателя никто из столичных гостей, да и сам водитель, не заметили города «в яме» и остановились только под указателем «Кувандык». Позже мне пришлось выслушать немало упреков по этому поводу. Поняв справедливость этих высказываний, счёл за необходимость собственноручно заняться созданием символа у дороги на повороте к городу.

Первый эскиз ключа сделал сам, а уж потом мою идею воплотил на листе ватмана художник Кролевец. Первый секретарь горкома КПСС С.В.Панасенко и председатель горисполкома И.Ф.Рева, познакомившись с чертежом и проектом городского указателя, решили объявить конкурс. В нём приняли участие завод «Уралэлектромотор» и многие художники. Но победил наш проект. Ключ был изготовлен на комбинате из титана квалифицированными специалистами. И стоял он, став визитной карточкой города Медногорска, много лет, пока уже в новом веке не стал жертвой охотников за металлом. Сегодня ключ снова восстановлен. И символ нашего города вновь утвердился на прежнем своём месте. Он является главной достопримечательностью. В свой самый торжественный день молодожёны приезжают к нему сфотографироваться на память.

В конце восьмидесятих годов прошлого столетия в СМИ стало появляться слово экология. Всем органам вдруг сразу захотелось, чтобы предприятия, построенные в тридцатые годы, стали чистыми и безопасными для здоровья работающих. В Оренбуржье почему-то выбрали медно-серный комбинат, требуя, чтобы эта работа была проведена немедленно.

Хотя комбинат выбрасывал вредных веществ в атмосферу не больше «Никелькомбината» в городе Орске и ОХМК в Новотроицке. Может, потому, что по объёму выпускаемой продукции комбинат значительно уступал им. Дело дошло до требования закрыть комбинат. Против комбината был настроен и коллектив завода «Уралэлектромотор», который переехал в

наш город из Тулы в 1941 году и расположился на бывшей площадке комбината (ранее там была опытная брикетная фабрика), имеющей подъездные пути и коммуникации. Эта площадка находилась в санитарно-защитной зоне комбината, но трудящиеся завода не имели льготы, которые получал комбинат: дополнительные отпуска, льготные пенсии, специальное питание.

Трудящиеся завода начали писать жалобы в Центральный комитет профсоюза, газету «Труд», Министерство, горком, обком. Эти жалобы подписывали до трёх тысяч человек. Мне неоднократно приходилось встречаться с коллективом завода, объясняя положение дел и что делается для улучшения условий труда. На проверку жалоб приезжали многочисленные комиссии из Москвы. Приходилось часто выезжать в Москву с разработанными мероприятиями. Среди многочисленных мероприятий было строительство нового сернокислотного цеха в 1995 году. Кстати сказать, новый сернокислотный цех был построен директором Ю.С.Кривоносовым и сдан только в 2007 году. Но жалобы продолжали поступать. Видимо, тогда руководству Министерства и особенно новому начальнику «Главникелькобальт» В.Д.Мурашову пришла идея сменить директора, то есть меня. В.Д.Мурашов, пользуясь тем, что место главного инженера комбината было вакантным (бывший главный инженер Валерий Иванович Иванов ушёл на заслуженный отдых), в мае 1989 года привёз на эту должность молодого инженера Ю.А.Короля. В октябре этого же года тот же В.Д.Мурашов привёз на комбинат комиссию, состоящую из 20 человек, для снятия меня с работы. Трое суток комиссия работала на комбинате с коллективом, с горкомом, обкомом партии и пришла к выводу, что меня им не снять, так как пользовался большим уважением у трудящихся. Через трое суток, вечером, Мурашов пришёл ко мне в кабинет и сказал: «Я не думал, что ты пользуешься таким авторитетом у коллектива и что коллектив против твоего освобождения, поэтому пиши добровольно заявление об уходе. Иначе я тебя при первом несчастном случае, произошедшем на комбинате, посажу в тюрьму».

Комбинат был построен в 1939 году. Здания и сооружения, имевшие износ более 80 процентов, капитально не ремонтировались. Для этого не было ни физических сил, ни финансовых средств. Часто падали плиты перекрытия и даже отдельные участки крыш. И только по счастливой случайности никто не пострадал. У меня не было уверенности, что падения не повторятся. После суточного раздумья согласился. Написал заявление, и, к моему удивлению, старинные часы, изготовленные в 1860 году тульским мастером Василием Бажатковым, остановились. На

собрании коллектива Мурашов зачитал моё заявление, где я, ссылаясь на состояние здоровья, просил отставки (в то время давление у меня зашкаливало). Выступил перед коллективом, с которым я проработал около 19 лет, вспомнил, что мы сообща сделали на комбинате, и поблагодарил за отличную работу. Всё случившееся для коллектива было неожиданностью. На этом собрание закончилось. 20 ноября 1989 года вышел приказ о моём освобождении от занимаемой должности.

Жизнь после

До льготной пенсии по списку №2 мне не хватало года и девяти месяцев. Мурашов мне места на комбинате не давал. Я вынужден был поехать в Мончегорск, где был знаком с директором, чтобы отработать это время, а может, и более. Мне была предоставлена хорошая работа, был решён квартирный вопрос. Но из-за высокого давления врачи не разрешили работать. Я вернулся назад. На сократительном участке металлургического цеха, откуда меня перевели директором, была вакантная должность старшего мастера. Я попросился на эту должность.

Работая на этом месте, я испытывал порой унижение со стороны своих бывших подчинённых – начальника металлургического цеха, а главное – Короля, что привело к двум инфарктам. В 1991 году, выработав льготный стаж, я был немедленно уволен с комбината. Мне не было ещё и 56 лет, а я оказался без работы. Позже мне приходилось работать инженером по технике безопасности в Медьпродснабе. А когда там сократили эту должность и я оказался не у дел, Король, смилостивившись, взял меня начальником гражданской обороны, а затем – начальником первого и второго отделов. Но и оттуда через некоторое время «попросил». Около двух лет я проработал в школе №2 заместителем директора по военно-патриотическому и гражданскому воспитанию. А с января 1997 года нахожусь на пенсии.

В октябре 2008 года меня сразил инсульт, и в 73 года я стал инвалидом 1-й группы.

Оценивая прожитое, я убедился, что жизнь моя была не только тяжёлой, но и разнообразной и интересной. Мне посчастливилось отдыхать на знаменитых курортах Черноморского побережья, начиная от Батуми и кончая Одессой. Запомнилось плавание по Волге. Но самым интересным был круиз по Дунаю. Я побывал в Румынии, Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Австрии. Будучи в Вене, побывал на могиле Штрауса. Был в Зальцбурге на родине Моцарта, посетил его дом-музей.

Я люблю людей и думаю, что это взаимно.

Оглядываясь на пройденный путь, я смею надеяться, что жизнь прожита не зря.

Июль, 2009 год.